

ОСВОЕНИЕ РОССИЙСКИМ ГОСУДАРСТВОМ СВОИХ ЮЖНЫХ ОКРАИН И ОСНОВАНИЕ МОНАСТЫРЕЙ В КОНЦЕ XVI — НАЧАЛЕ XVII ВЕКОВ

А.И. ПАПКОВ

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: papkov@bsu.edu.ru

В статье характеризуется сеть православных монастырей, возникших на южной окраине России в XVI столетии в ходе освоения данного региона Российским государством. Определяются основные особенности, отличавшие новые обитатели от монастырей Рязанской и Тульской земель.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, государство, вотчина, епархия, церковь, монастырь.

С присоединением Рязани в 1521 г. завершился процесс формирования территории единого Российского государства. В составе княжества всея Руси были объединены все русские земли, не входившие в состав Великого княжества Литовского. Дальнейшее укрепление международного положения Руси в представлении правящей элиты связывалось с территориальным расширением страны. Наличие недружественных и сильных соседей подталкивало Русь к совмещению своих государственных границ с естественными рубежами (горными массивами, болотами, крупными реками, озерами, морским побережьем), удобными для организации защиты государственной территории от нападений. Консолидация русских земель делала реальной перспективу решения этой задачи. Распространение владений России на протяжении XVI в. и последующих столетий происходило по нескольким направлениям. Одним из важнейших, а нередко и самым основным направлением колонизации, было южное. Здесь, в силу географических особенностей региона (лесостепь и степь), граница России была неустойчивой, в отличие, к примеру, от западных рубежей страны, где прочности обороны способствовало наличие естественных преград: рек, озер, болот и лесов. Кроме того, положение осложнялось постоянной борьбой с агрессивными соседями: Крымским ханством, а в дальнейшем и с Речью Посполитой¹.

Колонизация выливалась в борьбу княжества всея Руси — Российского царства, провозгласившего себя преемником Киевской Руси, с Крымским ханством, считавшим себя преемником Золотой Орды, впрочем, не заявлявшим об этом открыто². Правительственная стратегия состояла в сооружении новых оборонительных рубежей и строительстве крепостей, защищавших земледельческое население. Колонизация южных окраин стала не только народной, но и государственной. Во второй половине XVI в., как только появились силы и средства, Российское царство начинает продвижение на Юг, в лесостепь.

Каждый город, построенный в ходе освоения Юга, становился не просто новым военным укреплением, но и полноценным населенным пунктом, центром колонизации прилегающей территории. Естественно, что в этих российских поселениях должны были строиться православные храмы и монастыри, а также формироваться определенная церковная структура, необходимая для удовлетворения религиозных запросов населения. В исторической литературе обращалось внимание на исключительную роль государства в распространении православия на окраинах страны. При-

¹ См.: Водарский Я.Е. Население России за 400 лет (XVI — начало XX вв.). М., 1973. С. 22—23.

² Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в XVII веке. М.; Л., 1948. С. 41; Хорошкевич А.Л. Русь и Крым после падения ордынского ига: динамика трибунарных отношений // Отечественная история. 1999. № 2. С. 69—77; Ее же. Русь и Крым: От союза к противостоянию. М., 2001. 225—271.

нительно к Сибири и Карелии, упомянутую особенность кратко охарактеризовал митрополит Макарий (Булгаков), который описывал строительство государством церквей в острогах и основание монастырей³.

И.К. Смолич однозначно определил мировоззрение русского человека XVI–XVII вв. как «насквозь религиозное», в результате чего «все события церковной и государственно-политической жизни рассматривались, взвешивались и оценивались с религиозной точки зрения»⁴. Кроме того, по мнению П.В. Знаменского, «даже внешний вид русского города и селения показывали, что религия — господствующая сила в стране; иностранцы видели в русских городах множество богатых церквей и монастырей, слышался неумолкающий звон колоколов, по всем улицам стояли часовни и иконы с зажженными перед ними свечами, прохожие крестились перед каждой часовней, а иные клали земные поклоны <...>, весьма часто совершались крестные ходы»⁵.

Д.И. Багале́й затронул вопрос о возникновении монастырей в приграничном районе. Он отметил тесную связь монастырского землевладения с их колонизаторской деятельностью. Тем не менее, основной причиной появления монастырей в неспокойной пограничной зоне исследователь считал сильное религиозное чувство тогдашнего русского человека. По мнению этого историка, в связи с опасностью неприятельских погромов, положение большинства монастырей на первых порах было довольно тяжелым⁶.

После образования единого Российского государства его южные земли, в церковном отношении, подчинялись трем епископам: Рязанскому и Муромскому, Сарскому и Подонскому (Крутицкому), Смоленскому и Брянскому. Смоленская епархия присоединилась к Московской митрополии в 1514 г., в ее состав вошли города, отвоеванные у Великого княжества Литовского в 1500 г.: Чернигов, Брянск, Стародуб и Новгород-Северский. К сожалению, неизвестны точные границы тогдашних епархий Русской Православной Церкви (далее — РПЦ).

Следует обратить внимание и на то обстоятельство, что в силу различных причин, отдельные территории, города или церковные учреждения могли вестись не в самой ближайшей к ним епархии. Так Белевский Спасо-Преображенский монастырь, построенный еще белевскими князьями Солнцевыми-Засекиными в первой четверти XVI в., числился в Крутицкой епархии. Объяснить это можно тем, что к моменту основания монастыря Смоленск еще оставался в юрисдикции Великого княжества Литовского⁷.

Как уже говорилось, большинство монастырей, существовавших на южной окраине страны в XVI в., тяготело к городам⁸. Обстановка постоянных крымских набегов и войн с Великим княжеством Литовским заставляла заботиться о безопасности населения монастырей. Обеспечить ее могли в тех условиях только надежные крепостные сооружения. Однако данное положение не всегда справедливо по отношению к Рязанской земле, а вот, применительно к другим южным приграничным районам, оно вполне достоверно.

В период с 1505 по 1533 г. возник Рязанский Спасский мужской монастырь в честь Благовещения Пресвятой Богородицы (Феодосиева пустынь). Ранее 1519 г. был основан Рязанский Покровский Нищевский мужской монастырь близ села Белоомут на р. Оке, а ранее 1520 г. — Рязанский Спасский Терехов мужской монастырь в честь Воскресения Христова. До 1535 г. возник Рязанский Жерновский на р. Проне мужской монастырь во имя святого великомученика Никиты. С 1584 г. известен Рязанский Радовицкий мужской монастырь во имя святителя Николая. Нет точной даты

³ Макарий (Булгаков). История русской церкви. М., 1996. Кн. VI. С. 61–62.

⁴ Смолич И.К. Русское монашество. М., 1997. С. 76.

⁵ Знаменский П.В. История русской церкви. М., 1996. С. 155.

⁶ Багале́й Д.И. Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства. М., 1887. Т. I. 116–117.

⁷ Макарий (Булгаков). Указ. соч. Кн. IV. Ч. 1. С. 194–198; С. 213.

⁸ Макарий (Булгаков). Указ. соч. Кн. IV. Ч. 2. С. 368–384.

появления Рязанского Даниловского мужского монастыря в честь Покрова Пресвятой Богородицы. По предположению А.А. Зимина, основная группа рязанских монастырей возникла еще до XVI в.⁹

В конце XVI в. отмечена хозяйственная деятельность Шацкого Чернева Матвеева Николаевского монастыря (он находился в 20 верстах от Шацка, на р. Цне и был построен в 1584 г.¹⁰. Так, в 1596/97 гг. крестьянин Иван Караченский передал свой бортный ухжей на р. Хопре Черневу монастырю. Ухжей находился при впадении р. Карачана в Хопер и занимал оба берега Карачана. В нем находились бортные деревья, рыбные и бобровые ловли, стояло «земляное зимовье»¹¹. Вышеуказанный монастырь ведался Рязанской епархией. Помимо упомянутых ранее, в этой епархии к концу XVI столетия насчитывалось еще три монастыря (Николаевский Радовицкий, находившийся в 65 верстах от Рязани, построенный при Иване IV, и два муромских монастыря: Благовещенский и Николаевский Бутылинский)¹². Ранее 1611 г. возник Рязанский Облаченский мужской монастырь в честь Святой Живоначальной Троицы.

По наблюдениям М.Н. Тихомирова, монастырское землевладение было нехарактерно для Рязанской земли. Хотя некоторым рязанским монастырям (Богословскому в Рязани, Солотчинскому и др.), равно как и рязанскому епископу, принадлежали значительные земельные владения. По мнению упомянутого историка, развитие крупного землевладения в Рязанской земле затруднялось ее пограничным положением¹³. Крупнейшими церковными феодалами в Рязанском крае были епископ и Рождественский Солотчинский монастырь, стоявший при впадении р. Солотчи в Оку, в непосредственной близости к Переяславлю-Рязанскому. К монастырю примыкало село, в котором находилось четыре двора монастырских слуг, 12 дворов монастырских детенышей, поваров и служебников, а также 31 крестьянский двор. Под монастырем на р. Солотче стояла мельница¹⁴.

В тульском крае известен ряд монастырей. В их числе Белевский мужской монастырь в честь Преображения Господня (с 1525 г.). Этот монастырь был основан кн. Иваном Васильевичем Белевским. Веневская Николаевская мужская пустынь в честь Богоявления (ранее 1566 г.); Балахинский мужской монастырь в честь Рождества Пресвятой Богородицы (появился до 1571 г.); Веневский Всеволожский мужской монастырь во имя Пресвятой Богородицы (ранее 1578 г.); Каширский Березанский мужской монастырь (Саввина пустынь) во имя святителя Николая (ранее 1578 г.). В 1585 г. была основана Белевская Макариевская Жабынская мужская пустынь в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы, а в 1587 г. — Тульский женский монастырь в честь Успения Пресвятой Богородицы. В Никитском конце Тулы находился Предтеченский монастырь с двумя деревянными церквями. Он был обнесен оградой, внутри которой стояли кельи игумена, двух священников, дьякона и 13 монахов. Вышеупомянутый Веневский Никольский монастырь был крупнейшим церковным вотчинником в крае. Монастырю принадлежало с. Бортники с деревней на р. Осетре¹⁵.

По данным И.К. Смолича, в XVI в. в орловской земле было основано два монастыря¹⁶. Всего же в этом районе в XVI в. упоминаются четыре монастыря. Точные даты их основания неизвестны. Это Севская Площанская мужская пустынь в честь Казанской иконы Пресвятой Богородицы, Болховской Рождественский женский монастырь, Мценский мужской монастырь во имя апостолов Петра и Павла и Трубчевский Челский Новопечерский мужской монастырь в честь Преображения Господня.

⁹ Зимин А.А. Россия на пороге Нового времени. М., 1972. С. 225.

¹⁰ Макарий (Булгаков). Указ. соч. Кн. IV. Ч. 1. С. 212.

¹¹ Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в. Воронеж, 1991. С. 234.

¹² Макарий (Булгаков). Указ. соч. Кн. IV. Ч. 1. С. 212.

¹³ Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 395.

¹⁴ Тихомиров М.Н. Указ. соч. С. 397.

¹⁵ Тихомиров М.Н. Указ. соч. С. 381—383.

¹⁶ Смолич И.К. Русское монашество. М., 1997. С. 123.

В Воронеже, спустя несколько лет после его основания, появляются первые монастыри. Старейший воронежский монастырь — Успенский. Попытка его устройства относится к 1594 г. В августе этого года в Москве за счет казны было приобретено различное церковное имущество: книги, иконы, колокола, церковное вино, ладан и пр. Показателен следующий факт: перечисленное имущество было передано игумену Александру, но при этом воронежскому осадному голове И.Т. Кобякову было предписано: «Как строитель Александр образы, книги и колокола привезет, велеть ему церковь Успения поставить и монастырь ему велеть строить»¹⁷. В данном случае четко прослеживается контроль государства за развитием церковно-монастырской структуры на осваиваемых южных землях. Анализ дозорной книги 1615 г., писцовой и межевой книги 1628–29 гг. позволили В.Н. Глазьеву сделать обоснованное заключение о том, что строителю Александру выполнить указ царя Федора Ивановича о постройке Успенского монастыря в Воронеже не удалось.

В 1615 г. Успенский монастырь располагался за острогом на берегу р. Воронеж. В нем имелась церковь Успения Богородицы с приделом Федора Стратилата. В ней служили «белый» священник о. Варфоломей. При храме имелась колокольня с четырьмя колоколами, подаренными донскими атаманами. Монастырь был окружен дубовым тыном, вне которого стояли келья настоятеля, казначея (которого, как и настоятеля, звали Феодосий), а также старца Романа. Монастырь имел достаточно развитую хозяйственную систему. В нем отмечены две житницы с зерном, поварня, хлебная изба, келарная изба. Около монастыря в слободке жили 37 монастырских бобылей, там же числилось 30 запустевших дворов. У монастыря также имелась вотчина д. Клементьева за р. Воронежем на Тавровском поле. В ней жили дворник, пять работников, 32 монастырских пашенных крестьянина, а девять крестьянских дворов запустели. Монастырю было отмежевано 500 четвертей «худой» земли «в поле», 60 четвертей пашни «в поле», среди наделов пушкарей и затинщиков, а также сенокосов на 800 копен, лес и рыбные ловли.

В начале 1616 г. игумен Феодосий от лица всех насельников Успенского монастыря (два священника и 26 монахов) обратился в Разрядный приказ с просьбой о разрешении переноса монастыря на Казарское городище. В качестве причины переноса называлось неудачное расположение монастыря на берегу реки. По словам челобитчиков, от весеннего половодья разваливаются храмы, подгнили кельи, разрушилась ограда и алтарная стена висит над подмытым водою берегом.

Кроме переноса самой обители, монахи просили взамен пашни на Тавровском поле отмежевать им земли, примыкавшие к Казарскому городищу (ранее эти земли обрабатывались казаками, которые к моменту подачи челобитной «разбежались»), выделить им рыбные ловли на р. Сосне, а также отмежевать монастырскую пашню на правом берегу р. Воронеж от земли пушкарей и затинщиков. Кроме того, челобитчики указывали, что до Смутного времени монастырь получал государеву ругу: денежное и хлебное жалованье, а ко времени составления челобитной время руга уже не выдавалась. Взамен руги они просили предоставить монастырю право сбора пошлины с перевоза и пристани на р. Воронеж. 1 марта 1616 г. из Разрядного приказа воронежским воеводам В.Р. Пронскому и А.В. Лодыгину была направлена грамота, содержащая указание о выполнении всех просьб Феодосия «с братиею», изложенных в их челобитной. 30 марта 1617 г. Успенский монастырь получил луга, лес и рыбные ловли в районе Гольшевского, Телевского и Малышевского затонов при условии платежа двух рублей оброка в год в Москве. Сложнее дело обстояло со сбором пошлин на перевозе и пристани. Трудности возникали, как в связи с неоднократными отказами людей платить ее, так и в связи с деятельностью прежних откупщиков или

¹⁷ Глазьев В.Н. Страницы ранней церковной и монастырской истории города Воронежа и Воронежского уезда // Церковь и ее деятели в истории России. Воронеж, 2001. Вып. 2. С. 51.

других должностных лиц. Достаточно сказать, что за сбор пошлыны монастырю приходилось неоднократно бороться в дальнейшем¹⁸.

В 1613 г. игумен Семион получил царскую грамоту на строительство Борщева монастыря в честь Святой Живоначальной Троицы. Он основал обитель на свои средства. В монастыре действовала церковь во имя Святой Троицы с приделом Николая Чудотворца.

Ранее 1615 г. был основан Карачунский монастырь с церковью во имя Сретения Богородицы Владимирской и храмом Николая Чудотворца. Первое упоминание о нем датируется 6 апреля 1615 г., когда, по челобитью игумена Никона и монахов, в Воронеж была послана грамота с предписанием воеводам «беречь от обид» Карачунский монастырь. На средства атамана Назара Рязанцева в том же году был приобретен колокол, установленный в башне над Святыми воротами. Два колокола приобрел игумен Никон. Около монастыря находился скотный двор. Монастырю выделялось 200 четвертей пашни в поле и сенокосов на 800 копен¹⁹.

Как отметил В.Н. Глазьев, еще один монастырь Воронежского уезда — Спасо-Преображенский Толшевский — появился в Усманском стане на поместных землях детей боярских Пареновых после 1617 г.²⁰ Следует подчеркнуть то обстоятельство, что перечисленные монастыри (Толшевский, Борщевский и Карачунский) выполняли не только свое основное предназначение, а также являлись центрами колонизации прилегающих территорий, но они стали основными элементами системы укреплений, прикрывавших подступы к Воронежу²¹. Кроме того, можно отметить Толшевский монастырь как практически единственный пример основания монастыря на приграничной территории в начале XVII в. частными лицами в своих владениях.

Ранее 1613 г. возник мужской монастырь во имя Сергия Радонежского в Ливнах.

В Курском крае в XVI в. было открыто четыре новых обители. Среди них известная с 1557 г. Богородицкая Глинская пустынь около Путивля, Богородицкая Молчанская пустынь, находившаяся на расстоянии более 20 верст от того же города, Богородицкая Плащанская пустынь, располагавшаяся в полусотне верст от Севска, разрушенная в годы Смуты, а также Коренная Рождественская Богородицкая пустынь, основанная в 1597 г. в 30 верстах от Курска²². С 1608 г. известен Путивльский женский монастырь во имя святителя Николая архиепископа Мир Ликийских. С 1612 г. упоминается Курский мужской монастырь в честь иконы Знамения Пресвятой Богородицы и Курский мужской монастырь в честь Святой Живоначальной Троицы. Последняя обитель находилась в самом Курске и была основана в начале XVII в. строителем Ионою Темкою²³. В 1618 г. в Севске был открыт мужской Преображенский монастырь.

К перечисленным можно добавить Белгородский Никольский мужской монастырь, известный с 1599 г. Вероятно, в сентябре-октябре 1612 г. был основан Троицкий мужской монастырь Тюляфина пустынь в Оскольском уезде. Его основателем был старец Ефрем (в миру Антон Ефимов), при котором была выстроена церковь Живоначальной Троицы на Тюляфиной поляне (отсюда и название монастыря). В монастыре, кроме храма, было пять келий. В одной из них жил строитель, а в остальных размещались старцы Александр, Ефимий, Иов, Авраамий и Макарий.

¹⁸ Глазьев В.Н. Семья Протопоповых в истории Воронежского уезда и местном самоуправлении в XVII в. // Из истории Воронежского края. Воронеж, 2001. Вып. 9. С. 32—38; Его же. Страницы ранней церковной и монастырской истории города Воронежа и Воронежского уезда // Церковь и ее деятели в истории России. Воронеж, 2001. Вып. 2. С. 51—54.

¹⁹ Глазьев В.Н. Страницы ранней церковной... С. 57.

²⁰ Глазьев В.Н. Страницы ранней церковной... С. 59.

²¹ Чесноков Г.А. Градостроительное освоение Воронежского края // Из истории Воронежского края. Воронеж, 2001. Вып. 9. С. 24.

²² Смолич И.К. Указ. соч. С. 123—125.

²³ Макарий (Булгаков). Указ. соч. Кн. VI. С. 132.

За Троицким монастырем числилось шесть крестьянских дворов, погреб и коровник. В вотчину монастырю было выделено 120 четв. земли, из них 23 было отведено под пашню, имелось 20 десятин покосов, а также «звено реки Оскола, от устья речки Холковой до Окуня колодезя, по обе стороны реки Оскола, на берегу, по десятине...» Вдоль реки находились озера с рыбными и звериными ловлями, а также луга²⁴.

В 1591 г. или ранее был основан Тамбовский Турдышевский мужской монастырь во имя Рождества Пресвятой Богородицы. В 1611 г. был основан Тамбовский Добрый женский монастырь в честь Тихвинской иконы Пресвятой Богородицы. Самым южным монастырем, выдвинувшимся далеко в степь, в это время являлась Святогорская Успенская мужская пустынь, построенная в начале XVII в. при слиянии Оскола и Северского Донца²⁵.

Рассмотрев в общих чертах процесс складывания структуры РПЦ в южных уездах Российского царства в конце XVI — начале XVII в., следует отметить, что за достаточно короткое время в данном регионе появился ряд новых монастырей. Большинство из них были небогаты и не могли полноценно существовать без государственной поддержки. Можно отметить определенные отличия монастырей, находившихся в районах, довольно давно освоенных (например, Рязанская или Тульская земли) и монастырей, возникавших в южных уездах Российского царства, освоение которых началось в конце XVI в. Первые имели определенные традиции существования, восходящие еще к временам удельных княжеств, когда были возможны имущественные пожалования частных лиц. В южных же уездах подобных традиций и возможностей не было. Земли и другие владения, необходимые для материального обеспечения своей деятельности, монастыри здесь могли получить только от государства. Государство, в свою очередь, прежде всего, стремилось наделить землями служилых людей, необходимых для обеспечения безопасности границы. Кроме того, на Юге практически отсутствовало крестьянское население, что также тормозило развитие монастырского землевладения. При этом следует помнить, что в рассматриваемом регионе перед монастырями не стояли миссионерские задачи, т.к. здесь практически не было языческого или иноверческого населения.

Можно предположить, что за государственный счет строилось только необходимое (минимально достаточное) для идеологического обеспечения колонизации количество монастырей. Они в рассматриваемое время основывались, как правило, либо в городах, либо вблизи от них, т.е. это были городские монастыри, сильно отличавшиеся от лесных пустыней русского Севера. Большая часть их была основана не по свободному почину отдельных подвижников, а по приказу государственной и церковной властей. Почти все монастыри на осваиваемых землях открывались практически сразу после постройки нового города. Их существование было тесно связано с государственно-политическим значением города, в котором они появлялись. При этом монастыри на Юге в XVI в. редко превращались в крупные хозяйственные структуры, т.к. земли здесь, в первую очередь, выделялись для поместий служилых людей. Поэтому земельные владения монастырей и царские пожалования им были достаточно скромными.

DEVELOPMENT OF THE SOUTHERN BORDERLAND BY THE RUSSIAN STATE AND ESTABLISHMENT OF MONASTERIES IN LATE XVI – EARLY XVII CENTURY

A.I. PAPKOV

*Belgorod National
Research University*

e-mail: papkov@bsu.edu.ru

The article deals with a chain of Orthodox monasteries that were established on the Southern borderland of Russia in XVI century in the course of development of the region by the Russian state. The author reveals the peculiarities that distinguished the new cloisters from monasteries of Ryazan and Tula territories.

Key words: Russian Orthodox Church, state, patrimony, eparchy, church, monastery.

²⁴ Никулов А.П. Старый Оскол. Курск, 1997. С. 165—166.

²⁵ Макарий (Булгаков). Указ. соч. Кн. VI. С. 745—751.